

ВОЗВРАТ

... Потом мы говорили о снах, в которых так много чудесного; и вот что рассказал мне Сергей Сергеич, когда все разошлись и мы остались одни в большой и полутемной комнате.

Я до сих пор не знаю, что это было. Конечно, это был и сон, за это говорит простой житейский смысл, но было тут и другое, слишком похожее на правду или на бред с его обманчивыми видениями; но одно я знаю, что в постели я не был, ходил по камере, когда это привиделось мне, и что глаза мои, кажется были открыты. Во всяком случае, в памяти моей о прошлом этот сон... или случай? - занимает такое же твердое место, как все то, что происходило в действительности. Пожалуй, даже крепче.

Случилось это в сумерки. Я уже третий год сидел по политическому делу в петербургском доме предварительного заключения, в одиночной камере, ничего не знал о товарищах и их судьбе, и постепенно погружался в ту холодную и тупую тоску, когда жизнь замирает и дням теряется счет. Читал мало, а больше ходил по пятиаршинной камере, шагая медленно, чтобы не закружилась голова, и неопределенно думал - вертел все один и тот же валик стирающихся образов, давно прошедших событий, далеких, полузабытых лиц. Но одно лицо я помнил ясно, хотя казалось оно дальше всех и недостижимее всех: это было лицо моей невесты на воле, Марии Николаевны, очень красивой девушки. Ей счастливо удалось избежать ареста, но о дальнейшей ее судьбе я ничего не знал, предполагал, что жива, но и только.

И в эти осенние петербургские ранние сумерки я думал о Марии Николаевне; медленно шагал по асфальтовому полу взад и вперед и думал о ней. Было по-тюремному тихо, темно, равномерно и медленно поворачивались серые стены, пока не стало казаться, что я совершенно неподвижен, а это - камера вращается неслышно вокруг меня; и вдруг - я оказался в Москве, продолжаю теми же шагами идти по Тверской, вверх, к бульварам. Происходит это днем, зимою; на улице светло, людно и очень беспокойно от движения извозчичьих саней. Я посмотрел на часы - был уже четвертый час, однако "в Петербурге раньше темнеет", - подумал я и вдруг забеспокоился. Приехали мы в Москву с Марией Николаевной по партийным делам, остановились под видом мужа и жены в старой "Лоскутной гостинице", и теперь она оставалась одна в номере. Правда, я ей сказал, чтобы она затворилась и никого не пускала... но кто знает? Кто-то мог прийти, кто-то мог ее вызвать, кто-то мог вовлечь ее в ловушку; надо сейчас же вернуться!

Я нанял извозчика до "Лоскутной"; там я быстро пробежал лестницу и два коридора и с облегчением остановился у своего номера: на крючке не было ключа, и, стало быть, Мария Николаевна дома. Условно стучу в дверь, жду - молчание; стучу громче, дергаю ручку, однако - ничего; либо что-нибудь с ней случилось, либо ушла. К счастью, идет коридорный Василий; я к нему:

- Василий, вы не знаете, жена дома или ушла? Никого у нее не было?

Василий не сразу сообразил, народу в номерах много; наконец вспомнил:

- Как же, как же, Сергей Сергеич, барыня уехали, я же сам видел, как выходили из номера; они и ключ в карман положили.

- Одна?

- Нет, с каким-то вашим знакомым; такой высокий, в черной шапке барашковой.

Подробнее неизвестного господина Василий описать не мог, не всмотрелся.

- А передать мне что-нибудь велела?

- Нет, Сергей Сергеич, ничего.

- Не может быть, вы забыли, Василий!

- Нет же, Сергей Сергеич, ничего не велели. Да у швейцара надо спросить, может, ему что сказали.

Пошли к швейцару, Василий со мною - понял, что я в беспокойстве: никаких знакомых в Москве у нас не должно было быть, и высокий господин в черной барашковой шапке внушал мне сильнейший страх. Но и швейцару Мария Николаевна ничего не передавала; становилось совсем нехорошо.

- А в какую сторону они хоть пошли? - допытывался я у швейцара, решительно не зная, что делать и где искать.

- Да постойте, Сергей Сергеич, как же я забыл: я же им и извозчика нанимал, как же!

- Куда?

- Куда, не знаю, а только я извозчика кликал; да вон он и стоит, вернулся, значит. Тот самый, я помню!